

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

**«РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГИДРОМЕТЕОРОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

Кафедра русского языка и литературы

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА

**На тему: Особенности употребления военной лексики в СМИ (на
материале репортажей Евгения Поддубного)**

Исполнитель _____ Сапараманов Сапараман _____
(фамилия, имя, отчество)

Руководитель _____ кандидат педагогических наук _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Ротмистрова Ольга Валерьевна _____
(фамилия, имя, отчество)

«К защите допускаю»

Заведующая кафедрой

_____ _____
(подпись)

_____ кандидат педагогических наук, доцент _____
(ученая степень, ученое звание)

_____ Кипнес Людмила Владимировна _____
(фамилия, имя, отчество)

«1» _____ 2022 г.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

2022

Содержание

Введение.....	3
Глава I. Теоретические аспекты изучения военной лексики как особого элемента лексической системы языка.....	7
1.1. Военная лексика в составе лексической системы языка.....	7
1.1.1. Актуализация лингвистических исследований военной лексики.....	7
1.1.2. Определение и объём понятия «военная лексика».....	15
1.2. Военная лексика в пространстве СМИ: актуализация и предпосылки исследования.....	22
Выводы по главе I.....	28
Глава II. Особенности функционирования военной лексики в репортажах военного корреспондента Евгения Поддубного.....	30
2.1. Специфика военного репортажа.....	30
2.2. Деятельность Евгения Поддубного в качестве военного корреспондента.....	36
2.3. Функционально-семантический анализ военной лексики в репортажах Евгения Поддубного.....	40
Выводы по главе II.....	50
Заключение.....	53
Список литературы.....	57
Приложение.....	64

Введение

Выпускная квалификационная работа посвящена исследованию функционирования военной лексики в СМИ на материале репортажей Евгения Поддубного из горячих точек.

Военная лексика играет всё более значимую роль в языке. Прежде всего это связано с её социальной значимостью: развивается военное дело, не прекращаются разнообразные военные конфликты. Чем больше людей вовлечено в военные действия и деятельность в военной сфере, чем чаще используются специальные слова, обслуживающие их коммуникацию, тем актуальнее становится военная лексика, тем большее внимание исследователей она привлекает. Популярность военного слова, проникновение его в различные сферы употребления современного русского языка – один из знаков времени, указывающий на милитаристический характер политики практически всех современных мировых держав.

В современном языкознании военная лексика изучается в различных аспектах, с различных точек зрения, связанных с основными тенденциями развития лингвистики. Т.В. Демидович анализирует её в семантико-стилистическом и лингвокультурологическом ключе, О.А. Якубов – в социокультурном аспекте, М.Н. Крылова проводит семиотический анализ. В исследованиях военной лексики анализируются её тематические и лексико-семантические группировки. Военная лексика рассматривается с точки зрения её формирования, в диахроническом аспекте. В когнитивном ключе анализируется концепт «Война» и лексические способы его репрезентации в языке. Выделяется даже особый военный подъязык в системе литературного языка. Специфика военной лексики в речевом общении описывается в работах таких исследователей, как Б.Л. Бойко, Д. Бидеркесен, Ю.О. Лукьянчук, Р.Т. Сафаров, Ю.Н. Сдобнова, В.Н. Шевчук и др.

Проблема функционирования военной лексики в тексте становится всё более актуальной с усилением функционального и антропоцентрического подходов к исследованию языковых фактов. Военная лексика

рассматривается в языке произведений художественной литературы, в языке публицистики, в рекламном тексте, в политическом дискурсе. Особенно значимым материалом для изучения функционирования военной лексики являются репортажи военных корреспондентов из мест боевых действий, называемых горячими точками. Именно такие репортажи, буквально пронизывая современное медиaprостранство, основным источником которого являются СМИ, наиболее детально раскрывают семантический потенциал данной лексики. Несмотря на это, функционально-семантический потенциал военной лексики в информационном контенте СМИ, а частности, в языке военных репортажей, является малоисследованным.

Актуальность исследования, таким образом, обусловлена, во-первых, выходом военной лексики за пределы её узкоспециализированного употребления и расширением функционирования за счёт активизации в современном медиaprостранстве; во-вторых, недостаточной изученностью данной лексики в военных репортажах, детально раскрывающих её функционально-семантический потенциал.

Объект исследования – военная лексика.

Предмет исследования – функционально-семантические особенности военной лексики в репортажах Евгения Поддубного.

Цель исследования – выявить и описать особенности функционирования военной лексики в репортажах корреспондента Евгения Поддубного, сделанных в местах военных действий.

Из поставленной цели вытекают следующие **задачи**:

1. Изучить предпосылки и факторы актуализации военной лексики в лингвистических исследованиях.
2. Изучить подходы к определению понятия «военная лексика» и его объёму.
3. Проанализировать факторы актуализации и предпосылки исследования военной лексики в пространстве СМИ.
4. Рассмотреть понятие и характеристики военного репортажа и

проанализировать место военной лексики в информационном поле репортажей из мест боевых действий.

5. Сформировать корпус репортажных текстов Евгения Поддубного, актуальных для исследования функционально-семантических особенностей военной лексики.
6. Провести функционально-семантический анализ военной лексики на материале репортажей Евгения Поддубного.

Материал исследования составили следующие источники:

- 1) работы, в которых военная лексика анализируется в семантико-стилистическом, лингвокультурологическом, когнитивном, диахроническом, речевом аспектах (Б.Л. Бойко, Д. Бидеркесен, Т.В. Демидович, М.Н. Крылова, Ю.О. Лукьянчук, Р.Т. Сафаров, Ю.Н. Сдобнова, В.Н. Шевчук, О.А. Якубов и др.);
- 2) работы Ю.А. Бельчикова, Е.В. Брысиной, Н.В. Егоршиной, Т.Н. Зайцевой, Н.М. Орловой и др., посвящённые исследованию особенностей функционирования современной военной лексики и терминологии;
- 3) работы Ю.В. Агеевой, Д. Бидеркесена, Д.А. Мишина, Р.Р. Пайгина, И.Л. Сергиевской и др., посвящённые исследованию лингвистических особенностей военных репортажей;
- 4) военные репортажи корреспондента ВГТРК Евгения Поддубного из мест боевых действий (150 репортажей).

В работе использовались следующие **методы** исследования:

- 1) в рамках теоретической части работы – описательно-аналитический, реферативно-аналитический, индуктивно-дедуктивный и сравнительный методы;
- 2) в рамках практической части работы – системно-структурный и функционально-коммуникативный методы, в рамках которых применялись различные виды анализа языкового материала: семантический, лингвистический, контекстуальный.

Теоретическая значимость работы состоит в возможности применения выводов, полученных при анализе военной лексики в репортажах с горячих точек, для дальнейших исследований, связанных со спецификой функционирования данной лексики в системе русского языка.

Практическая значимость исследования состоит в том, что его результаты могут быть использованы на занятиях по различным лингвистическим дисциплинам, в которых делается акцент на лексической системе русского языка и её функционально-семантическом и коммуникативном аспектах.

Структура работы. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

Во введении обосновывается актуальность, формулируются объект, предмет, цель и задачи исследования.

В первой главе «Теоретические аспекты изучения военной лексики как особого элемента лексической системы языка» анализируются исследования, в рамках которых военная лексика рассматривается в составе лексической системы русского языка (приводятся предпосылки и факторы актуализации военной лексики в лингвистических исследованиях, анализируются подходы к определению и объёму понятия «военная лексика»), описываются факторы актуализации и предпосылки исследования военной лексики в пространстве СМИ, рассматриваются понятие и характеристики военного репортажа и место военной лексики в информационном поле репортажей из мест боевых действий.

Во второй главе «Особенности функционирования военной лексики в репортажах военного корреспондента Евгения Поддубного»: а) приводится обоснование отбора репортажных текстов Евгения Поддубного, на базе которых был сформирован корпус данных текстов для исследования функционирующей в них военной лексики; б) приводятся результаты анализа военной лексики в репортажах Евгения Поддубного из горячих точек.

В заключении приводятся выводы, сделанные в рамках исследования.

В приложении приводится список военных репортажей Евгения Поддубного и ссылки на данные репортажи.

Глава I. Теоретические аспекты изучения военной лексики как особого элемента лексической системы языка

1.1. Военная лексика в составе лексической системы языка

1.1.1. Актуализация лингвистических исследований военной лексики

В последнее время наблюдается тенденция к активизации исследований военной лексики, занимающей в лексической системе русского языка значительное место. Прежде всего, это обусловлено тем, что данная лексика относится к явлениям социально значимым. Со стремительным развитием военного дела, не прекращающимися военными конфликтами произошло непроизвольное вовлечение людей, не связанных с военными профессиями, в военно-профессиональное пространство. Суть этого пространства состоит в его содержании, репрезентируемом средствами массовой информации. Так, через СМИ существенно возрос объём военной информации: конфликты в разных странах мира, военные действия в Сирии, на Украине, противостояние между Россией и Америкой, Америкой и Китаем, Россией и НАТО и др. – всё это относится к факторам активизации специальных слов, обслуживающих военную коммуникацию. Таким образом, происходит непреднамеренное позиционирование военной лексики, она становится активной в области повседневной коммуникации, следовательно, попадает в круг лингвистических проблем, привлекающих внимание исследователей.

Сегодня можно сказать, что популярность военного слова, проникновение его в различные сферы употребления современного русского языка относится к знакам времени, указывающим на милитаристический характер политики практически всех современных мировых держав. В настоящее время это утверждение – аксиома в вербализации специфики современного геополитического пространства.

В современном языкознании военная лексика изучается в различных

аспектах, с различных точек зрения, связанных с основными тенденциями развития лингвистики. С точки зрения семантико-стилистических и лингвокультурологических особенностей военная лексика стала предметом исследования в трудах Т.В. Демидович [19], с точки зрения когнитивных особенностей военная лексика описывается в структуре концепта «Война» [60], семиотическая составляющая рассматривается в работах М.Н Крыловой [57], социокультурные особенности данной лексики актуализируются в работах О.А Якубова [68]. Актуализируется военная лексика, функционирующая в русском языке, и в контексте полевых единиц её систематизации, в частности, её тематические и лексико-семантические группировки [53]. Актуализируется военная лексика и в исследованиях в диахроническом аспекте, где в основном она рассматривается с точки зрения её формирования [59]. Б.Л. Бойко [11], Д. Бидеркесен [9; 10], Ю.О. Лукьянчук [44], Р.Т. Сафаров [54], Ю.Н. Сдобнова [56], В.Н. Шевчук [65] и др. рассматривают специфику военной лексики в речевом общении. О популяризации данной лексики в лингвистических исследованиях говорит и тот факт, что исследователи в системе литературного языка выделяют даже особый военный подъязык [30].

Таким образом, военная лексика как актуальный предмет изучения актуализируется как в собственно лингвистическом аспекте, так и в смежных направлениях.

При рассмотрении военной лексики современными лингвистами принято выделять два основных ее пласта: терминологический (специальная лексика) и профессиональный (относящийся к жаргону). При этом военная терминология существует не только в рамках военных структур, распространяясь также на уровне общественного сознания, в официальном стиле. Также распространение подобной терминологии характерно и для общения военных [11, с. 44]. Однако лингвистами принято рассматривать именно терминологическую лексику.

Благодаря существенному усилению роли функционального и

антропоцентрического подходов в исследованиях текстов функционирование военной лексики приобретает все больший интерес для исследователей. Военная лексика фигурирует как в художественных литературных текстах [24; 25; 62], так и в текстах публицистической стилистики [5], в текстах, относимых к политике [41], в рекламе [27].

Как известно, военная лексика является значительной частью словарного состава русского языка. Лингвистами тексты подобного содержания определяются как военные тексты или тексты военной тематики [11, с. 44]. Перед рассмотрением определения понятия "военная лексика" необходимым является изучение ряда военных текстов как пространства функционирования данной лексики. Исследователи, проводя рассмотрение военных текстов и анализируя их принадлежность к нормам литературной речи, заявляют, что большая часть анализируемого материала относится к книжной речи. Иными словами, военная лексика, встречаясь в текстах сугубо военной тематики, входит в общий речевой оборот. Преимущественное употребление терминологической и разговорной лексики, реализация языковой нормы в речевом общении зависит от степени социального контроля, носящего институциональный характер, т.е. предписывающего членам социума некие общие правила социального поведения [80, с. 301-303]. Такие правила закрепляются в литературных нормах, в этикетных нормах, в нормах общения различных социальных общностей. Также языковая норма устанавливается в справочных изданиях, существует в сознании носителя языка, становится реализованной при речевом акте и в письменной речи. Зачастую письменный литературный язык сближается с существующими нормами разговорной речи, и данная тенденция прослеживается все чаще с течением времени. Базой для сближения норм служат регулярные контакты широких слоев общества с носителями литературной нормы [74, с. 337-338]. Относительно же военной сферы речевого общения, в этом плане, как справедливо утверждает Б.Л. Бойко, «можно назвать обусловленное войной или военными конфликтами

массовое вовлечение в военную среду гражданских людей»[11, с. 44].

Всё чаще лексика, относящаяся к речи военных специалистов, т.е. к нормированной военной речи, получает закрепление в дефинициях различных словарей, например, в словарях военной терминологии. Помимо этого, данная лексика идентифицируется в военных энциклопедических изданиях, учебных пособиях, воинских уставах и военной документации. Штабные документы, фиксирующие организацию и ведение боевых действий, априори должны содержать военную лексику. Более того, она в данных документах доминантна, как доминантна и в любом военном тексте, который имеет принципиальные отличительные языковые особенности:

- наличие военной терминологии;
- специфические словосочетания, относящиеся к военной сфере (в данном случае функционирование словосочетаний определяется проблематикой, темой, жанром военного текста: документа, устава, присяги и др.);
- военные команды (традиционно они закреплены в уставах, военно-научных и военно-технических текстах).

Важно подчеркнуть, что несмотря на ориентрированность устной речи военных специалистов на письменную реализацию нормы литературной речи, всё же не исключает её отклонения от норм литературной речи. Это зависит «от степени социального контроля (и самоконтроля)» [Там же, с. 45].

Со временем терминологичность в военном языке заменяется профессиональной и жаргонной лексикой, присущей военным. Относясь к сфере устного общения, такие тексты частично воспроизводят синтаксис устной речи, выражающийся в эллиптичности, незаконченности фраз и дополняющийся невербальным контекстом и невербальными средствами общения.

Степень нормированности военного текста обладает прямой зависимостью от образования, статуса человека, который является автором. Академическое военное образование позволяет человеку уверенно владеть

военной терминологией. Стоит отметить, что подобный уровень образования обеспечивает человека способностью написания актуальных текстов военной тематики. Уровень освоения военной речи зависит от уровня образования человека, занимающегося написанием военных текстов.

Однако при снижении социального контроля происходит заметное изменение нормы, проявляющееся в общении внутри социальной группы. Несмотря на свою ненормированность в сравнении с литературным языком, профессиональная военная терминология может быть четко обозначена закреплена в военных текстах. Зачастую тональность общения с использованием подобной терминологии задают либо старший по званию в группе военных, либо неформальный лидер.

Лексические единицы, встречающиеся в текстах с книжной речью, зачастую входят в такие тексты в качестве цитат (как объект иностилевой принадлежности). Термины, профессионализмы и жаргонизмы различаются внутренней формой слова. В такой терминологии часто наблюдается потеря образности, метафоричности, обусловленная частотой употребления: самолетное крыло уже не ассоциируется в памяти воспринимающего с крылом птицы, а нос корабля не обеспечивает слушателя обязательной ассоциацией с носом животного либо птицы, направленным при движении вперед. Профессионализмы и жаргонизмы часто отличаются нестертой внутренней формой, в них присутствует образность: сесть на живот (о самолете, производящем посадку с невыпущенным шасси), послать пулю в молоко (не попасть в означенное цветом зачетное поле мишени при стрельбе в тире).

Противопоставляя военную терминологию в целом военному жаргону по преимущественной отнесенности военных терминов к текстам штабных документов, а единиц военного жаргона к ситуациям непринужденного общения в различных ситуациях военной жизни, Е.Ф. Тарасов отмечает в качестве отличительных признаков обобщенность семантики первых и конкретность вторых:

1) При ведении боевых действий (в штабных документах) лексика является общепонятной для всех военных. Этот военный язык штабных документов отображает процесс боестолкновения в абстрактных категориях военной науки;

2) Жаргон отображает ситуацию (в том числе при ведении боя) на достаточно обобщенном уровне ввиду того, что он не относится к научной терминологии.

Содержание представлений общества о боевой деятельности и о бое существует в двух формах (на двух уровнях): 1) на уровне общественного официального сознания – бой, походная кухня и 2) на уровне общественного обыденного сознания – Gulaschkanone – походная кухня (метафора). Оба варианта – изменение звуковой формы.

Рассуждая о неологизмах военной лексики в языке / речи ее носителей, П.Н. Денисов выделяет следующие типы речи (стили, подязыки, сферы):

- язык профессиональных военных, язык военной промышленности, терминологию военного искусства как разновидность языка военной науки: живая сила и техника, глубоко эшелонированная оборона, узел сопротивления, огонь по площадям;
- язык военно-политической пропаганды и агитации (язык замполитов, военной печати, военных газет);
- разговорная речь солдат-фронтовиков и их непосредственных командиров;
- язык художественной и мемуарной литературы, содержащий лексику и фразеологию названных типов речи [20, с. 361-362].

Наиболее точное использование военной терминологии отмечается в военно-энциклопедических текстах.

Возникновение и функционирование военных жаргонизмов ограничивается в семантике конкретикой как по тематическим полям, так и согласно ситуациям общения в соответствии с уровнем социального

контроля за развитием общения. Аббревиатуры и сокращения уже крепко вошли в состав военной терминологии из-за тенденции экономии языка и используются рядом с терминами в официальных военных текстах и в речевой практике штабов. Что касается военных жаргонизмов, так они полностью принадлежат сфере непринужденного речевого общения. Часто военные аббревиатуры и сокращения можно найти с пояснениями. В первой случае они выносятся в скобки после развернутого терминологического сочетания, во втором – находятся в непосредственной близости от него: Мне коротко объяснили задачу: обеспечивать командира полка, вернее его наблюдательный пункт (НП) и штаб полка телефонной связью с дивизионами[50, с. 42-43]. Местность в обороне противника ... поднимается вверх и хорошо просматривается с нашего НП километра на три [Там же, с. 138]. Пошел доложить командиру батальона о полученном приказании. Тот сообщил мне, что его тоже вызывают ... Комбат предложил ехать вместе... [Там же, с. 56].

Военные жаргонизмы контрастируют с терминологической лексикой и фразеологией, в силу яркой образности внутренней формы, что применяются в большей степени в обыденном общении. Терминам «военные действия», «бой», равно как «оборона» и «наступление», не подобрать эквивалентов в солдатском просторечии, напротив, боевая техника, своя и врага, получает свои вторичные, жаргонные, наименования, обладающие образностью просторечного слова и конкретностью.

Тематически существуют две большие группы разговорных эквивалентов военных терминов – наименования реалий противника и наименование реалий своих войск. Наименования реалий противника включают стрелковое оружие и минометы, артиллерийские установки и самолеты, действие которых солдаты и офицеры на передовой ощущают на себе. Наименования реалий своих войск также главным образом включают образцы вооружения и военной техники. Профессионализмы и жаргонизмы опираются на номенклатурные наименования отдельных частей оружия,

калибры, кодовые наименования, фольклорные переосмысления.

Образность военной лексики в разной степени присуща отдельным ее единицам и не может рассматриваться как ее ключевое качество.

Сказанное выше позволяет сделать вывод о том, что речевое общение в военной среде реализуется в письменных и устных текстах военной тематики. Соответствие текстов литературной норме, как и употребление терминологической и противопоставленной ей профессиональной и жаргонной лексики, определяется уровнем социального контроля над протеканием речевого общения. Единицы официальной нормативной речи носят обобщенный характер, единицы разговорной речи характеризуются нестертой образностью внутренней формы.

Обобщая сказанное, отметим:

– широкое употребление слов военного характера обусловлено частыми военными конфликтами в разных странах, разработкой новых военных технологий, техники и боевого оружия.

– вовлечение широких масс людей в военные действия, а также широкое освещение всех этих событий с помощью средств массовой информации сделало тему войны с ее терминами и понятиями близкой и понятной невоенному человеку, ввиду чего военные термины выступают политическими маркерами современности.

– актуализация лингвистических исследований военной лексики обусловлена выходом её функционирования за пределы узкопрофессионального употребления, распространением слов военной тематики в повседневной речи простых людей.

1.1.2. Определение и объём понятия «военная лексика»

Сфера функционирования военных терминологических единиц указывает на двойственность их природы, а именно на их принадлежность одновременно и к общенародному слою словарного состава

языка, и к лексике ограниченного профессионального применения. Данный факт стал существенным толчком к актуализации и необходимости многоаспектного исследования военных терминологических единиц.

Ввиду того, что военная лексика относится к специальной лексике, наиболее объёмную часть которой представляют термины, обратимся к определению понятия «термин». Прежде всего важно заметить, что термины представляют собой сложное и многоаспектное явление. В настоящее время существует множество определений термина, который является неотъемлемой частью любой области научного знания. Многие исследователи этого явления пытались прийти к единому мнению в вопросе определения понятия «термин», однако сформулировать единое определение так и не получилось.

Остановимся подробнее на понятии «термин» и приведем наиболее распространенные его определения. Изучению термина посвящали свои труды многие исследователи, например, А.Н. Баранов, В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, М.М. Глушко, Б.Н. Головин, В.А. Звягинцев, Л.А. Капанадзе, В.И. Лейчик, А.А. Реформатский, А.В. Суперанская и др. Д.Н. Ушаков предлагает определять термин как «понятие, выраженное словом; слово, являющееся названием строго определенного понятия; специальное слово и выражение, принятое для обозначения чего-нибудь в той или иной сфере, профессии» [79, с. 810]. У М. М. Глушко под термином понимается «слово или словосочетание, которое, благодаря наличию у него строгой и точной дефиниции, обладает четкими семантическими границами и поэтому является однозначным в рамках определенной классификационной системы» [17, с. 33]. С.В. Гринев подразумевает под термином «номинативную специальную лексическую единицу (слово или словосочетание) специального языка, применяемую для точного наименования специальных понятий» [18, с. 22].

Продемонстрированные определения термина – только лишь небольшая доля всех имеющихся трактовок данного явления, сущность

которого потрясает сложностью, а также глубиной. Из вышесказанного можно утверждать, что термин – это слово (или словосочетание), цель которого быть предельно точным, логичным, а также иметь конкретную дефиницию предметов, явлений, понятий, отображающих действительность. Но необходимо заметить, что термины не способны функционировать сами по себе. Их суть, а также функции, проявляются в обстоятельствах конкретного текста, концепции, в рамках различных областей знаний [9].

Стремительный рост технологий предопределил появление большого потока слов и устойчивых словосочетаний, которые дают определенные названия и определения специальных понятий и явлений, т.е. терминов. Из-за своего количества и важности термины основательно входят в лексический состав каждого языка, образуя собой отдельный слой, в структуру которого входят: общенаучные термины (в целом принадлежат к сфере науки, например: «масса», «мощность» и т.п.) и специальные термины (функционирующие в определенных научных областях, например: «двигатель», «реактор» и т.п.).

Исследованием специальной лексики занимались многие известные ученые-лингвисты, такие, как В.В. Виноградов, Г.О. Винокур, А.С. Герд, В.П. Даниленко, В.А. Звягинцев, О.Н. Лапшина, В.М. Лейчик, Е.С. Никитина, М.М. Покровский, А.А. Реформатский, А.Я. Шайкевич и др. Военная лексика также привлекла внимание лингвистов: ей посвятили свои работы следующие современные исследователи: А.К. Абдульманова, А.С. Будилович, Д.А. Гарибян, В.В. Ильенко, Л.Л. Кутина, С.Д. Ледяева, В.И. Максимов, Р.И. Сидоренко, Ф.П. Сороколетов, И.С. Хаустова и многих других. Особенности функционирования современной военной лексики и терминологии представлены в работах Ю.А. Бельчикова, Е.В. Брысиной, Н.В. Егоршиной, Т.Н. Зайцевой, Н.М. Орловой и др.

В фокусе нашего научного исследования находится специальная лексика, функционирующая в военной сфере жизни российского общества. Военная лексика – это «система лексических средств, отражающих

разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении» [54, с. 4]. Следует отметить, что в понятие «военная лексика» входят также и такие понятия, как «военная терминология», «военная терминосистема». Так, В.Н. Шевчук трактует военную терминологию следующим образом: «это упорядоченная совокупность военных терминовязыка, которые отражают понятийный аппарат военной науки и связаны с формами и способами ведения войны, с вопросами стратегического использования вооруженных сил, а также оперативно-тактического применения объединений, соединений, частей и подразделений, с их организацией, вооружением и техническим оснащением» [65, с. 97].

В «Военной энциклопедии» предлагается следующая трактовка рассматриваемого понятия: «Военная терминология – формализованная система установленных военных терминов (слов, словосочетаний и т.п.), каждый из которых имеет строго определенное значение с четко очерченными рамками применения и научным обоснованием» [72, с. 62–63].

Что касается понятия «военная терминосистема», то с его трактовкой сопряжены некоторые трудности, основной из которых можно назвать именно определение самого понятия «терминосистема» (или терминологическая система). Следует отметить, что еще 80-е годы XX века проблема системности и структурности терминологии неоднократно становилась предметом оживленных споров и обсуждений, однако до настоящего времени этот вопрос так и не нашел своего окончательного решения. Тем не менее, под терминосистемой принято понимать «упорядоченное состояние терминов» [2, с. 6].

Таким образом, системность можно назвать одним из важнейших условий существования терминов, которые являются лишь составными элементами терминосистемы, а терминосистема, в свою очередь, должна являть собой некоторую организованную совокупность терминов, адекватно выражающих систему понятий теорий.

Д.С. Лотте были предложены условия, на которых основана системность терминологии:

- базирование темы на классификации понятий;
- понятия и признаки термина могут быть рассмотрены только в рамках классификационной системы;
- лексические единицы должны демонстрировать наличие общих черт рассматриваемого понятия с другими терминами и одновременно его специфичность [43].

В.М. Лейчик наряду с Д.С. Лотте специализировался на исследовании терминов и образующихся с их помощью систем. Под термином "система" ученый понимал языковую модель, т.е. совокупность понятий как логическую модель области знаний. Так, В.М. Лейчиком было выделено четыре условия для формирования терминосистемы:

- четкая область знаний;
- понятийная система, присущая этой области знаний;
- наличие определенной теории, описывающей область, в состав которой входит данная система понятий;
- наличие установленного языка для особых целей, в составе которого присутствуют обозначения понятий данной области и системы [42, с. 256].

Терминосистема призвана обеспечить системный характер существования и функционирования терминологии, в рамках которой будет осуществляться взаимообусловленность одних терминов с другими. Так, военная терминосистема, по мнению В.П. Коровушкина, – это «вся совокупность военных терминов, имеющих в лексической системе литературного языка, как основной автономной формы существования национального языка» [33, с. 133].

Таким образом, анализируя вышеприведенные дефиниции, можно заключить, что военная терминология, реализуемая посредством лексических единиц, именуемых понятиями и явлениями сферы военного дела, в своей

совокупности являет собой динамически развивающуюся систему – терминосистему, отличающуюся логичностью, структурированностью и принадлежностью к системе знаний о подготовке и ведении военных действий. В свою очередь военная терминология и военная терминосистема – элементы более широкого понятия «военная лексика», поскольку не всегда слова, относящиеся к военной сфере, могут соответствовать определению «термин» (например, оценочные, уменьшительные, составные, стилистически маркированные и т.п. номинации), однако они относятся к военной лексике. Тем не менее, основу военной лексики все же составляют именно терминологические единицы, т.е. термины.

В силу того, что сфера военной деятельности очень обширная и подразделяется на различные самостоятельные области знания, существует множество терминов тактических, организационных, военно-технических, терминов, относящихся к различным родам войск и видам вооруженных сил и т.п. Для каждой из перечисленных областей, характерна своя терминология. В связи с этим Ю.Н. Сдобнова предлагает следующую классификацию военной терминологии, которую она подразделяет на отраслевые группы и именует «терминосферами»: «терминосфера родов войск и видов Вооруженных сил; терминосфера военной техники; организационная терминосфера; общетактическая терминосфера; штабная терминосфера; военно-политическая терминосфера; командно-строевая терминосфера; военно-топографическая терминосфера» [56, с. 199].

В свою очередь Е.Д. Исаева предлагает подразделять военную терминологию по тематически-отраслевому признаку на следующие группы: «военные команды (например, «Смирно! Встать!»); военно-технические термины (например, «радиолокационный дальномер»; оперативно-тактические термины (например, «расположение войск», «боевой порядок»); военно-административные термины (например, «дивизионный округ»); военно-топографические термины (например, «разведка местности», «рекогносцировка»); военно-инженерные термины (например,

«понтоннопереправочные средства»» [28, с. 31].

Ю.О. Лукьянчук предлагает свою классификацию терминов военной сферы, которая основывается на разновидностях вооруженных сил. Данная классификация включает:

- термины сухопутных войск (включают термины механизированных,
- танковых, аэромобильных и др. войск) – «полевая артиллерия»;
- термины военно-морских сил (включают термины надводных, подводных сил, морской пехоты и т.д.) – «десантный корабль»;
- термины военно-воздушных сил (включают термины истребительной, разведывательной, бомбардировочной, военнотранспортной авиации) – «бомбардировщик»;
- термины военной связи – «своевременность установления связи», «узел связи»;
- термины инженерных войск – «инженерное обеспечение боевых действий» [44, с.66].

Более широкую классификацию военной лексики приводит В.П. Коровушкин, который делит лексические единицы военной сферы на: «военное арго; военный жаргон; военные коллоквиализмы; военные вульгаризмы; элементы смежных профессиональных и корпоративных жаргонов [33, С. 134].

По результатам анализа классификаций мы можем заключить, что они обладают рядом сходств, так как в них рассматриваются те военные термины, которые принадлежат к формальной стороне военного дела. Однако военная область не ограничивается лишь формальными дефинициями понятий, объектов и предметов военного дела. Военная лексика состоит также из жаргонизмов, сленга военных, разговорной и просторечной лексики. К этой группе относятся неоднородные по своей функциональной характеристике лексические единицы, эмоционально окрашенные элементы военной лексики, часто синонимичные с понятиями

той же сферы.

Так подобная лексика оказывается в сфере неофициальной коммуникации, относимой к профессиональной, и подобным образом обеспечивается почти полное отсутствие границ между лексикой военной и общеязыковой разговорной.

В рамках настоящего исследования, посвященного рассмотрению таких понятий, как «термин», «военная лексика», «военная терминология», «военная терминосистема», «военная терминосфера», а также выполняемых ими функций, было определено, что под термином (хотя и существует множество трактовок этого понятия), принято понимать единицу языка (слово или словосочетание), служащее для обозначения того или иного понятия или явления, признака или характеристики объектов или предметов окружающей нас действительности, научно зафиксированных и описанных.

Под понятиями «военная терминология» и «военная терминосистема», и «военная терминосфера» в целом подразумевается совокупность терминов, организованная, классифицированная и систематизированная тем или иным способом для наиболее правильного применения терминологических единиц и избегания путаницы между понятиями.

Резюмируя сказанное, обобщая существующие определения военной лексики, мы считаем обоснованной следующую трактовку: *военная лексика* – это система лексических средств, отражающих военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении.

1.2. Военная лексика в пространстве СМИ: актуализация и предпосылки исследования

Проблема функционирования военной лексики в пространстве средств массовой информации в последнее время всё чаще актуализируется в работах лингвистов. Это связано с её стремительной активизацией в и востребованностью в СМИ ввиду увеличения военных конфликтов, которые

становятся предметом освещения в медиапространстве. Как отмечают исследователи, «высокая востребованность военной лексики в языке современных СМИ требует её внимательного изучения и в данной сфере функционирования современного русского языка» [Дурду, Агеева, с. 36].

Важно подчеркнуть, что изначально военная лексика являлась специфической чертой именно военных СМИ. В настоящее время она популяризируется не только в военных СМИ. Практически всё коммуникативное пространство СМИ пронизано анализируемой лексикой. В результате произошло проникновение военной лексики практически во все сферы жизни человека. И это закономерно в условиях изменений в политической системе мира, радикализации, расширения зон военных конфликтов и др. как справедливо замечает Д. Бидеркесен, «выход военных терминов и обозначений за рамки сферы их изначального применения и их проникновение в повседневную речь простых обывателей говорит не только об обострении обстановки на мировой политической арене, явных и скрытых конфликтах между государствами и готовности мирового общества к внезапным боевым действиям, но и о формировании пласта лексики, который не только включает в себя уже существующие слова, но и стремительно пополняется новыми единицами благодаря социально-политическим факторам и научно-техническому прогрессу. Во многом на такое распространение лексических единиц военного дела повлияли средства массовой информации (СМИ), широко освещающие происходящие в мире события» [9, с. 6].

Л.В Мосиенко и Д.В Миначева обращают внимание на экспрессивную составляющую военной лексики в СМИ, подчёркивая, что «военные термины в газетно-публицистических статьях активно и продуктивно используются в составе средств выразительности, увеличивают информативную ценность и образность сообщения» [Мосиенко-Миначева, с. 197]. Е.А Яковлева и Э.Н. Ирнараров обращают внимание на частотное упоминание в текстах СМИ наименований новых образцов военной техники и оружия [Яковлева-

Ирназаров].

Б. Дурду и Ю.В. Агеева отмечают, что в первую очередь военная лексика встречается в СМИ в публикациях на военную тематику, где использование данной лексики тематически оправдано и связано необходимостью передачи объективной и полной информации. В статьях, посвящённых действиям военных или реакциям общественности на данные действия, «военная лексика обязательно выносится в заголовок – сильный элемент текста, привлекающий к нему внимание читателя и дающий предварительную информацию о самой публикации» [Дурду, Агеева, с. 36]. Например: «*Минобороны представило доказательства атаки ВСУ на малайзийский Boeing*» (РИА Новости, 17.09.2018). В данном примере используются аббревиатуры, как широко известные (*Минобороны – Министерство обороны*), так и ранее непонятные (до их активизации вне пространства военных СМИ) широкому кругу читателей (*ВСУ – Вооружённые силы Украины*), причём обе представлены без расшифровки. Ср. также: «*"Восток-2018": операция против вторжения, работа ПВО и маневры Севфлота*» (РИА Новости, 14.09.2018). Подразумевается, что читатель уже обладает знаниями о данных аббревиатурах, способен их расшифровать. Журналисты нередко используют в заголовках военную терминологию, тематически обозначая публикации и привлекая внимание читателя, например: «*Участники учений "Восток-2018" возвращаются в пункты постоянной дислокации*» (РИА Новости, 17.09.2018).

Терминология военной сферы имеет стилистическую окраску, обуславливающую её использование в официально-деловом стиле, а именно в документах. По этой причине в текстах СМИ, насыщенных военной терминологией, «происходит стилистическое смешение газетно-публицистического и официально-делового стилей» [Дурду, Агеева, с. 37]. Ср.: «*В основной фазе манёвров в Забайкальском крае участвовали китайские и монгольские подразделения*» (См.: «"Восток-2018": операция против вторжения, работа ПВО и маневры Севфлота» // РИА Новости,

14.09.2018).

Военная лексика используется также в публикациях, рассказывающих не о военных действиях, а о происшествиях в условиях мирного существования, которые связаны с применением оружия. Это могут быть репортажи о захвате заложников, о терроризме, о бандитских разборках, о взятии банка, о стрельбе на улице, кражах оружия и т. п. Военная лексика в таких публикациях также нередко вынесена в заголовки, дающие читателю информационную и психологическую установку, причём в формировании психологической установки участвует именно военная лексика, как, например, в заголовках *«В Мэриленде три человека стали жертвами стрельбы»* (РИА Новости, 20.09.2018), *«В Татарстане завели дело на бизнесмена, убившего грабителей своего дома»* (РИА Новости, 20.09.2018), *«Они – военные преступники». Что элитный спецназ США устроил в Сирии»* (РИА Новости, 17.12.2021) и т.п. Интерпретируя в своём сознании подобные заголовки, читатель «включает представление об отношении ко всему, связанному с войной, как к ужасному, противоречащему жизни», у него «создаётся впечатление, что мир опасен, жить в нём страшно» [Дурду, Агеева, с. 37].

Репортажи с заголовками типа *«Неизвестные после учебных стрельб украли пять пистолетов и пять автоматов из военной части в Житомирской области»* (РИА Новости, 20.09.2018), *«Три человека пострадали после стрельбы в микрорайоне Багармоссен на юге Стокгольма в среду поздно вечером»* (РИА Новости, 20.09.2018), *«Четыре человека, включая полицейского, получили в среду ранения при стрельбе в суде в городе Мейсонтаун, нападавший убит»* (НТВ, Новости, 20.09.2018), *«Завершено расследование вооруженного ограбления камышинского ювелирного магазина с перестрелкой»* (Кривое зеркало, 30.08.2018) и т. п. способны формировать у читателя любопытство к публикациям о военных действиях в мирной обстановке: читателю интересно, сколько человек стало жертвами преступников, как произошло нападение, ограбление или иное преступное

действие, кто и почему стрелял на улицах мирного города и др. В подобных репортажах очевиден и синтез, и контраст военной лексики и лексики «мирной» [Дурду, Агеева], ср.: *пистолет, автомат – Житомирская область; стрельба – Стокгольм; ранение, убит – город; вооружённый – ювелирный магазин*. Военная лексика в публикациях такой тематики формирует ассоциативные образы военной действительности, опасного мира, в котором оружие может оказаться в руках любого человека и каждый день может стать последним.

Напряжённость, сложившаяся в различных регионах мира, где военные действия в настоящий момент напрямую не ведутся, обусловила использование военной лексики в публикациях о политической жизни данных регионов. Например, в репортаже «*В Крыму предложили обсудить в ООН водную блокаду полуострова Украиной*» (РИА Новости, 08.09.2020) рассказывается о блокировании Украиной поставок днепровской (водопроводной) воды в Крым и используется военный термин *блокада*, который имеет следующие трактовки в словарных дефинициях:

1. В «Словаре военных терминов: «способ военных действий, заключающийся в изоляции (нарушении внешних связей) вражеского государства, крупной группировки войск, города, порта и других объектов» [СлВоенТерм, с. 26-27].
2. В «Толковом словаре» С.И. Ожегова: «1. Окружение войск противника, а также изоляция враждебного государства, города с целью прекращения его сношений с внешним миром. *В кольце блокады. Снять, прорвать блокаду. Экономическая блокада (хозяйственная, внешнеторговая, финансовая изоляция какого-н. государства)*». 2. Отключение какого-н. органа и тканей от центральной нервной системы (*спец.*). *Новокаиновая блокада*» [Ожегов].

Дефиниция из «Толкового словаря» С.И. Ожегова позволяет заметить, что анализируемая лексема многозначна, однако читателем, несомненно, в

контексте названных репортажей СМИ *блокада* будет интерпретироваться в военном смысле, что обусловлено военным российско-украинским конфликтом.

В современных СМИ активно используется военная лексика. Чаще всего она отмечается в публикациях на военную тему – о войне, военных противостояниях, явных и скрытых военных конфликтах, а также в публикациях о происшествиях с использованием оружия в мирное время (стрельбе на улицах, вооруженных ограблениях и т. п.).

Востребованными оказываются слова и выражения практически всех групп военных слов: наименований военнослужащих, названий воинских подразделений и военных званий, наименований одежды военнослужащих и дополнений к ней (обуви, головных уборов и др.).

Военная лексика придаёт публикациям такого характера точность, способствует передаче военной атмосферы, трансформирует стилистическую окраску текста, так как военная лексика терминологического плана имеет официально-деловой оттенок. В СМИ часто используются лексические единицы, указывающие на оборонительный характер российской внешней политики, а также наименования новой военной техники. В публикациях, не относящихся к военной тематике, военная лексика используется метафорически (военная метафора) и служит передаче агрессивного характера действий людей или групп.

Таким образом, специфика функционирования военной лексики в СМИ заключается в особенностях интерпретации информации, имеющей отношение как к военной сфере, так и к сфере повседневности, когда рассказывается о происшествиях с использованием оружия, о противостоянии в различных сегментах геополитики и т.д. В итоге военные феномены оказываются интегрированными в русскую языковую картину мира, а потому и язык репортажей в СМИ не ограничивается военной терминологией, а обогащается всеми единицами, входящими в состав военной лексики.

Выводы по главе I

В первой главе, посвящённой теоретическим аспектам изучения военной лексики как особого элемента лексической системы языка, были рассмотрены факторы актуализации лингвистических исследований военной лексики, обобщены и уточнены определение и объём понятия «военная лексика», проанализированы предпосылки исследования данной лексики в пространстве СМИ, а также был детально рассмотрен жанр военного репортажа как один из наиболее эффективных источников позиционирования военной лексики в коммуникативном пространстве СМИ, в условиях цифровых реалий.

В результате мы пришли к следующим выводам:

1. Речевое общение в военной среде реализуется в письменных и устных текстах военной тематики. Актуализация лингвистических исследований военной лексики обусловлена выходом её употребления за пределы узкопрофессионального употребления, распространением слов военной тематики в повседневной речи простых людей.
2. Широкое употребление слов военного характера обусловлено частыми военными конфликтами в разных странах, разработкой новых военных технологий, техники и боевого оружия.
3. Военная лексика – это система лексических средств, отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении. В понятие «военная лексика» входят также и такие понятия, как «военная терминология», «военная терминосистема».
4. Вовлечение широких масс людей в военные действия, а также широкое освещение всех этих событий с помощью средств массовой информации сделало тему войны с ее терминами и понятиями близкой и понятной невоенному

человеку, ввиду чего военные термины выступают политическими маркерами современности.

5. Среди жанров СМИ особое место отводится репортажу. Специфика репортажей в СМИ заключается в особенностях репрезентации значимых исторических событий, персоналий, реалий, имеющих отношение к военной действительности: они не просто передаются в специализированном военном пространстве, а ещё и концептуализированы в русской языковой картине мира. Поэтому лингвистические особенности военно-публицистических текстов не ограничиваются арсеналом военной терминологии. Значительное место в них занимают и феномены военной концептосферы.

Глава 2. Особенности функционирования военной лексики в репортажах военного корреспондента Евгения Поддубного»

2.1. Специфика военного репортажа

На сегодняшний день репортаж – один из самых оперативных жанров, представляющих собой явления реальности, приближенные к действительности. Он в тоже время и информирует человека и пробуждает в нем сильные эмоции, с помощью чувства присутствия: «репортаж – это текст, в котором одновременность события и рассказа о нем реальна» [Майданова-Калганова, с. 47]. Термин «репортаж» происходит от французского «reportage» (англ. «report») и переводится как «сообщать». Данный термин появился в середине XX века, но сообщения, которые содержали новости с репортажными элементами, появлялись в периодической печати и до возникновения этого термина. Долгие годы шел процесс формирования профессии репортера, а вместе с тем и у репортажа появились свойства независимого жанра [1, с.176]. Самое важное в репортаже – это достоверный, оперативный и динамичный рассказ «истории события», где репортер выполняет роль свидетеля или даже участника события.

Любой репортаж является отражением личности репортера и проявление его творческой одаренности. Тем самым, военный репортаж является жанром, призвание которого позволить аудитории прочувствовать событие. Репортаж не только рассказывает, но и показывает. Важной деталью остается достоверность. Получая информацию, все могут убедиться, что журналист абсолютно точно был на самом месте событий. Подробности позволяют в это поверить. Нюансы, а также детали в этом помогают, заставляют влиять на восприятие, потому что воссоздают атмосферу (календарь на стене, записная книжка на столе и т.п.).

Репортаж предоставляет возможность сочетать в одном тексте свойства

и черты различных жанров: зарисовки, корреспонденции, интервью, отчета. Подобные отступления нарушают описываемый ход событий, но при этом акцентируют внимание слушателя на определенной детали, выражают мнение других лиц к происходящему, увеличивают объем информации.

Анализируя специфику жанра «военный репортаж», особенно с «горячих» мест – зон боевых действий, – важно подчеркнуть, что его развитию предшествовало появление батального репортажа, который как жанр военной журналистики зарождался с конца XIX – начала XX вв. В то время он реализовывался в корреспонденциях, куда действующие офицеры присылали свои рукописи с мест боевых действий.

Батальный репортаж в XIX в. был весьма схож с театральным представлением, зритель присутствует в зале, наблюдает бутафорную жизнь на сцене, являясь сторонним наблюдателем, ему ничего не угрожает, но при этом он способен к сочувствию и жалости или готов ощутить на себе патриотический подъем. Автор данного жанра (а читатель вместе с ним) не присутствует на поле боя, а как бы смотрит за действиями со стороны. В рукописях не показывалось множества страшных деталей, текстовая форма реализации батального репортажа рассказывала о столкновениях врагов, редко упоминалось о жертвах, а если и упоминалось, то как количественная оценка победы одних войск над другими [Михасенко, с. 151]. Чтобы стать героем батального репортажа, человеку необходимо было отличиться на поле боя, проявить свои выдающиеся способности.

Специфичен и хронотоп батальных репортажей XIX в. Огромные расстояния с легкостью преодолеваются автором, чтобы показать весь бой или даже несколько битв сразу. Время боя проносится неуловимо, например, два часа, что были необходимы для отбрасывания вражеских войск с местности, в тексте являются одним предложением. Описание «реального времени», с вкраплением мелких деталей и комментарии автора, которые свойственны репортажу, на сегодняшний день практически отсутствуют (если такие элементы присутствуют в тексте, то их ни в коем случае нельзя

назвать жанрообразующими). Появляется общее с пьесой или романом, в которых в перерывах между сюжетами проходят дни и даже месяца [Михасенко, с. 152].

Для читателя XIX в. признаком публицистичности считалось именно то, что современный читатель назовет «литературностью», а вот эмоциональное описание с множеством деталей воспринималось, наоборот, как литературное [Михасенко, с. 152]. Л.Н. Толстой «Севастопольские рассказы» написал во время своего нахождения на службе во время Крымской кампании. Известен факт, что изначально они задумывались как статьи об осаде Севастополя, и автор хотел их отправить в журнал «Современник», так как воспринимались публикой как журналистские тексты. Во всяком случае некоторые отличительные черты «рассказов» Толстого такие, как оценочные суждения и эмоции рассказчика-автора, повествование от первого лица, внимание к личности простого солдата, а также обилие мелких деталей – скорее сближает их с литературой. В скором времени отдельные очерки о жизни военного Севастополя были собраны в цикл «Севастопольские рассказы» и стали рассматриваться как художественная проза, в смысловом поле «реальность/вымысел» переключаясь к полюсу «вымысел».

В XIX в. военная журналистика проходит свое становление и оформление как отдельный вид деятельности. Во времена Русско-японской войны в репортажах уделяется больше внимания обычному солдату, а тексты наполнены яркой эмоциональностью. Одной из основных причин данного феномена является необходимость вызвать патриотические чувства у читателя, поселить уверенность в успехе русской армии. И тогда у военного журналиста появляется особая роль – ведение информационной войны. Читатели не верили газетам, прошедшим суровую цензуру, но журналистский текст оценивался как продукт реальности, а не художественного вымысла; смысловая дихотомия была перенесена с пары «вымысел/реальность» на пару «правда/ложь».

На сегодняшний день границы данного жанра размываются, так как любой человек может изучить последние новости в достаточно ярком контексте: статьи о событиях на политической арене, сериалы, бомба «сенсаций» и даже очередной проект, где знаменитые люди учатся кататься на коньках в соревновательном шоу.

Батальный репортаж утрачивает информативное значение, выбор фактов возникает не по причине наибольшей информативности, а для того, чтобы автор смог реализовать свой замысел. Персонажи современного батального репортажа находятся ближе к читателю: теперь они *«ребята»*, *«пацаны»*, *«солдатики»*.

Масштаб действий заметно сужается, так как теперь читатель видит все то, что и сам автор. Появляется разворот на авторское «я» в тексте. На первый план выдвигаются эмоции и переживания журналиста. Они определяют тон всего эпизода, заставляют читателя проникнуться сопереживанием к автору.

Таким образом, постепенно батальный репортаж утрачивает элементы «литературности» и перерастает в один из самых сложных журналистских жанров – военный репортаж из «горячих точек», из «горячих» мест. Под горячей точкой понимают место, регион, где происходит вооружённый конфликт, война.

В военном репортаже живописно, в наиболее ярких деталях и одновременно кратко, документально точно изображается конкретная действительность, правдивые факты и люди непосредственно с места событий [Ким 2011, с. 400]. Рассмотрим особенности военного репортажа

Репортаж сам по себе заставляет якобы собственными глазами видеть предмет описания, словно чувствовать прикосновение к нему. Это свойство данного жанра объясняется тем, что репортаж изображает события и явления в деталях, в отдельных выразительных элементах, интересными штрихами. Он не рассказывает о них, а изображает действительность динамичной, живой картиной. Военный же репортаж настоятельно требует:

- во-первых, документальности, строгого соблюдения фактов жизни;
- во-вторых, эмоциональности, личного восприятия события, внимание к деталям факта, явления.

Ввиду этого к характерным признакам военного репортажа специалисты относят наглядное изображение фактов. Именно это в репортаже занимает главное место. Автор субъективно, эмоционально воспринимает отдельные факты и рассказывает о них читателю как очевидец [58, с. 156].

Любой репортаж является отражением личности репортера и проявление его творческой одаренности. Тем самым, военный репортаж является жанром, призвание которого позволить аудитории прочувствовать событие. Репортаж не только рассказывает, но и показывает. Важной деталью остается достоверность. Получая информацию, все могут убедиться, что журналист абсолютно точно был на самом месте событий. Подробности позволяют в это поверить. Нюансы, а также детали в этом помогают, заставляют влиять на восприятие, потому что воссоздают атмосферу (календарь на стене, записная книжка на столе и т.п.).

В настоящее время военный репортаж признаётся частью коммуникативной системы [Чернышева, с. 72]. А.А. Тертычный относит военный репортаж к аналитическому жанру [Тертычный, 2000], а Л.Е. Кройчик рассматривает данный вид репортажа как оперативно-исследовательский жанр [Кройчик, 2000].

По мнению А.Ю. Чернышёвой, «военные репортажи являются имманентной частью печатной и телерадиовещательной индустрии. Так, визуальные эффекты и онлайн-трансляция с места активных боевых событий становятся более важными, чем аналитический анализ этих событий» [Чернышева, с. 73].

Таким образом, очевиден тот факт, что у исследователей нет единообразной оценки военного репортажа как части медиапространства,

однако оценка военного репортажа как жанра однозначна: данный вид репортажей относится к одним из самых сложных, в основе таких репортажей – событийность и достоверность. Что касается военного репортажа с «горячих» точек, то данные характеристики необходимо дополнить фактором времени, в которое ведётся репортаж: события действительности передаются в условиях военных действий в режиме реального времени.

Подводя итог, отметим следующее:

1. Военный репортаж является жанром, призвание которого – позволить аудитории прочувствовать событие. Он не только рассказывает, но и показывает. Важной деталью остается достоверность. Военный репортаж требует документальности, строгого соблюдения фактов жизни, эмоциональности, личного восприятия события, внимание к деталям факта, явления, поэтому в данном виде репортажей главное место занимает наглядное изображение фактов. Автор субъективно, эмоционально воспринимает отдельные факты и рассказывает о них читателю/слушателю как очевидец.
2. Специфика военных репортажей заключается в особенностях репрезентации событий, персоналий, реалий, имеющих отношение к военной действительности: они передаются в условиях военных действий в режиме реального времени (из горячих точек), поэтому на лексическом уровне доминирует не военная терминология, хотя она является неотъемлемым компонентом военных репортажей, а военная лексика, имеющая широкое употребление и входящая в состав общеупотребительных слов русского языка (ср.: *убить, освободить, нанести удар, война, мир, военные действия, мирные граждане* и др.).

2.2. Деятельность Евгения Поддубного в качестве военного корреспондента

Евгений Поддубный – известный российский военный корреспондент, талантливый журналист, автор многих документальных фильмов и специальных репортажей. Он является руководителем бюро ВГТРК на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также автором и ведущим программы «Война», которая выходит на телеканале «Россия-24». Он выполняет обязанности координатора гуманитарной организации «Русская гуманитарная миссия» в Сирии и является членом Академии российского телевидения (с 2010 года). В 2018 году был удостоен звания «Заслуженный журналист Российской Федерации».

Евгений Поддубный имеет немало государственных наград Российской Федерации. В частности, он отмечен медалью Ордена за заслуги перед Отечеством второй степени, медалью за отвагу, орденом мужества. В 2014 году военный корреспондент был удостоен специального приза Национальной телевизионной премии «ТЭФИ» за профессионализм и мужество при исполнении журналистского долга за работу в горячих точках на Украине, а 29 января – премии «Золотое перо России».

Военный корреспондент освещал события в Южной Осетии, Сирии, Афганистане, на Украине. Так, в августе 2008 года он освещал события в Цхинвале (Южная Осетия) во время так называемой «пятидневной войны». Именно он 8 августа 2008 года передал в штаб Сухопутных войск РФ генералу армии В. Болдыреву сообщение секретаря Совета безопасности Южной Осетии генерала А. Баранкевича, который на тот момент не имел средств связи и вынужден был обратиться к журналисту, об исчерпанных возможностях оборонять Цхинвал. Съёмочная группа Евгения Поддубного отказалась от эвакуации из зоны грузино-осетинского конфликта, уступив свои места в автомобиле мирным жителям. Совместно другими российскими каналами, журналисты продолжили освещение хода боевых действий на

месте событий.

Неоднократно, в качестве специального корреспондента российского информационного канала «Россия-24» Евгений Поддубный работал на территории Сирии, освещал противостояние правительственных сил и вооружённой оппозиции в ходе гражданской войны в Сирии, вёл репортажи с передовой для программ «Вести» и «Вести недели». Фильм Е. Поддубного «Битва за Сирию», который был смонтирован в полевых условиях и вышел в 2012 году, был переведён на несколько европейских языков.

12 сентября 2013 года в эфир телеканала «Россия-24» вышло эксклюзивное интервью президента Сирийской Арабской Республики (САР) Башара Асада, которое глава государства дал Евгению Поддубному. В ходе интервью Башар Асад впервые публично заявил о том, что САР присоединяется к Конвенции о запрещении химического оружия. Благодаря передаче правительством Б. Асада под международный контроль арсеналов боевых отравляющих веществ с целью дальнейшего уничтожения под контролем наблюдателей ОЗХО у США исчез формальный повод для нанесения ударов по Сирии. Итогом этого стал отказ американского президента Барака Обамы от планов масштабной операции против САР.

В Сирию Е. Поддубный вернулся, когда там началась военная операция России. С 2016 года он был координатором АНО «Русская гуманитарная миссия» в Сирии. 8 сентября 2016 года в воюющем сирийском городе Алеппо сотрудникам российской негосударственной гуманитарной организации впервые удалось доставить продовольственную помощь мирным жителям в прифронтной район. Координацией доставки продуктовых наборов жителям Алеппо руководил Евгений Поддубный.

7 апреля 2018 года в интернете распространились видеоматериалы, где активисты организации «Белые каски» оказывают первую медицинскую помощь пострадавшим в результате отравления химическими веществами в сирийском городе Дума, а 14 апреля американский президент Дональд Трамп использует данную атаку в качестве повода для нанесения ракетного удара

по объектам на территории Сирии. Однако Евгений Поддубный буквально сразу провёл собственное расследование обстоятельств предполагаемой химической атаки и уже 18 апреля опубликовал интервью с участником съёмки ролика, ставшего причиной американского ракетного удара. Ролик о химической атаке оказался инсценировкой. Уже 26 апреля 2018 года участники ролика дали показания в штаб-квартире Организации по запрещению химического оружия в Гааге, подтвердив факт инсценировки. Поскольку со стороны Вашингтона не поступило реакции на доказательства, Евгений Поддубный пришёл к выводу, что для нанесения удара по суверенному государству администрация президента США использовала заведомо ложные сведения.

С начала 2014 года Евгений Поддубный в качестве специального корреспондента телеканала «Россия-24» освещал события на Украине, а именно события на майдане в Киеве, события, связанные с присоединением Крыма к России, а после – события, происходящие на Украине во время политического кризиса. Со своей съёмочной группой он работал в Киеве и в различных регионах юго-востока страны, освещая военные действия на Донбассе, в Артёмовске, Луганске, Славянске, Краматорске, Горловке и других.

С августа 2021 года Евгений Поддубный работал в Афганистане, а с 24 февраля 2022 года, когда началась военная операция России на Украине, работает в зоне военного конфликта в качестве военного репортёра.

Властями Великобритании 4 мая 2022 года был опубликован список персональных санкций, в который включён и Евгений Поддубный, по словам правительства Соединенного Королевства, за распространение кремлевской пропаганды, способствовавшей проведению специальной военной операции России на Украине.

В студии ВГТРК Белгород 3 декабря 2014 года Евгений Поддубный отвечая на вопрос что нужно знать и уметь военному журналисту Евгений не раздумывая отвечает: «Нет списка, к сожалению набора параметров, которые

человек должен знать и тогда ему обеспечена комфортная и легкая работа. Он должен знать все то же, что знают военные. Опыт не заменит ни один полигон. Боевой опыт приобретается в условиях реальных боевых действий. То же самое с военными репортерами. По сути, ты в качестве туриста находишься на передовой. Безусловно, хорошо, когда ты знаешь что, куда и из чего стреляет, и верно на это реагируешь. Понимаешь куда, когда падать, когда, когда вставать где укрыть, как укрыться. Это все очень важно. В этих тонкостях нужно разбираться. Вплоть до того, что зная время перезарядки реактивного залпового огня. Ты можешь спасти себе жизнь и обезопасить себя, зная, что у тебя есть определенное окно сделать свою работу, вовремя уйти из зоны обстрела. Там много тонкостей и нет какого-то определенного списка, есть очень много нюансов, как и в любой профессии. Разумеется необходимы навыки оказания первой медицинской помощи». Что же касается войны, то, как нам представляется, для понимания и адекватной интерпретации репортажей Е.Поддубного с мест военных действий, уместно привести его взгляд на войну: «Война – это всегда трагедия, и моя задача – дать понять зрителю, насколько это тяжело, плохо. Может, это хотя бы на чуть-чуть приблизит завершение этого» [Артёмова].

Таким образом, военные репортажи Евгения Поддубного из «горячих» точек мира формируют достаточно обширную топонимическую карту военных действий: путь военного корреспондента начался ещё со второй чеченской кампании, после которой он прошёл через военные конфликты в Южной Осетии, Сирии, освещал события в Афганистане и на Юго-Востоке Украины. В военных репортажах Евгения Поддубного с мест боевых действий освещаются военный и гуманитарный аспекты, в рамках которых проводятся параллели в контексте известной концептуальной оппозиции «война – мир», репрезентирующей через акцентирование внимания на соотношении войны и детства, войны и материнства, войны и старости и др.

2.3. Функционально-семантический анализ военной лексики в репортажах Евгения Поддубного

С целью выявления и анализа особенностей функционирования военной лексики в СМИ нами было отобрано 150 военных репортажей Евгения Поддубного (из горячих точек на Украине, в Сирии, в Афганистане), из которых был сформирован корпус репортажных текстов.

Для определения нюансов лексического значения отобранных из репортажей Евгения Поддубного единиц, относящихся к военной лексике, мы использовали функционально-семантический анализ.

В результате функционально-семантического анализа мы обнаружили, что военная лексика, используемая в репортажах Евгения Поддубного, может быть разделена на тематические группы: *наименования видов боя и способов ведения огня, наименования вооружения и военной техники, наименования воюющих сторон, наименование мест военных действий* и др. Проанализируем, особенности функционирования лексических единиц перечисленных групп в репортажах Евгения Поддубного.

Наименования видов боя и способов ведения огня, соответственно, и *наименования боевых действий*, образуют достаточно обширную и разноплановую группу лексики. Данную группу представляют следующие лексические единицы:

- Существительные: *атака, штурм, контратака, контрнаступление, обстрел, артобстрел* и др.;
- Глаголы: *атаковать, штурмовать, наступать* и др.;
- Лексические единицы, выступающие в синонимических отношениях с перечисленными выше лексемами: *наступление = наступательные операции = пойти/перейти в наступление* и др. Несмотря на отличительные особенности в глаголах движения приставок *по-* и *пере-*, влияющих на семантические особенности данных глаголов, в военном дискурсе приведённые

словосочетания функционируют как синонимы. Ср.: «*Сейчас идут наступательные операции на севере страны, в частности, в провинции Латакия, в северной части этой провинции, наступают из провинции Хамас в сторону Идлиба, идёт наступление и в провинции Алеппо*» (Сирийская армия перешла от обороны к наступлению // Россия-24. Вести, 11.03.2019).

- Частотные (типичные для военного дискурса) словосочетания с перечисленными выше лексическими единицами: *миномётные обстрелы, вести миномётные обстрелы, пойти в наступление, перейти в наступление, перейти от обороны к наступлению (перейти из обороны в наступление)* и др. Например: «*Именно из этих пригородов боевики угрожали центру сирийской столицы, ежедневно до сих пор ведут миномётные обстрелы по центральной части города*»; «*...за последнее время Сирийская армия из обороны перешла в наступление*» (Сирийская армия перешла от обороны к наступлению // Россия-24. Вести, 11.03.2019);
- Лексемы и словосочетания, с помощью которых описываются военные действия, связанные с ведением огня из различных видов вооружения: *обстрел (обстреливать), бомбить, наносить бомбовые удары, (переносной) зенитно-ракетный комплекс* (соответственно, аббревиатуры *ЗРК* и *ПЗРК* и названия этих комплексов) и др. Ср., также виды артиллерийского огня: *огонь* и синонимичные словосочетания *огневой вал, огневая завеса, огневой кулак, огневой мешок, вилка* и др., относящиеся к военному жаргону;

Для военной лексики репортажей Евгения Поддубного характерна тропеическая образность, которая, как известно, основана на использовании в переносном смысле определённых слов и выражений, в данном случае –

слов и выражений, репрезентирующих военную картину мира. Так, например, функционирование в репортажах военного корреспондента наименований видов артиллерийского огня позволяет заметить образную семантику военных терминов, которые основываются на предметной конкретности мира. Ср.: *огневой вал, огневая завеса, огневой кулак, огневой мешок, вилка* и др. То же самое можно сказать и о фортификационных сооружениях пехоты: *рогатки и ежи, лисья нора* (вид окопа), *спотыкач* (сеть на низких кольях) и др. Безусловно, данные лексические единицы не относятся исключительно к специфике языка репортажей Евгения Поддубного. Важно, как они функционируют в контексте освещаемой корреспондентом проблематики. Рассмотрим на фрагменте репортажа «Наступательная операция сирийской армии» (Россия-1, Вести, 10.10.2015):

*«Сирийские военные используют **огневой вал** – тактический прием давно известный, требует большого количества боеприпасов и оперативной корректировки... Сухопутные силы только сегодня пошли вперед — сразу же после артподготовки. На переднем крае закрепились штурмовики, постепенно рубежи насыщают дополнительными подразделениями. В атаке участвуют танки, другая бронетехника. Непосредственную поддержку сухопутным силам оказывают самолеты сирийских ВВС. Тяжелым вооружением военные вскрывают оборону радикальных группировок. Замысел командования — отбросить боевиков от провинции Хама, далее развить успех и освободить соседний регион, вернуть контроль над границей с Турцией, которая сейчас для исламистов открыта. В прямой видимости съемочной группы — кордон, который пересекают исламисты. Автомобили радикалов беспрепятственно передвигаются по дорогам, в случае необходимости отходят в Турцию, чтобы избежать ударов сирийской армии. Боевые действия активизировались и на других участках фронта на севере страны. Причем везде инициатива на стороне сирийской армии».*

В данном фрагменте очевиден семантический градиент военной лексики, с помощью которой создаётся в репортаже образ *огневого вала*. Так,

в начале данного фрагмента корреспондент делает акцент на пояснении, что огневой вал представляет собой тактический приём, при этом акцентируя внимание на количественных и качественных показателях: данный приём, чтобы быть реализованным, *«требует большого количества боеприпасов»* и *«оперативной корректировки»*. Далее детально описывается алгоритм реализации тактического приёма «огневой вал», где происходит не просто перечисление военных действий, а их, с одной стороны, последовательность, с другой стороны, одновременность военных действий, в которых разных видов и родов войск, подразделений, оружия. Ср.: сначала акцентируется внимание на превосходстве сил противника ещё недавно: *«сухопутные силы только сегодня пошли вперед – сразу же после артподготовки»*, однако семантика ускорения репрезентируется в этом же предложении через словосочетание – *«сразу же после артподготовки»*. *«На переднем крае закрепились штурмовики»*, *«рубежи насыщают дополнительными подразделениями»*, *«в атаке участвуют танки, другая бронетехника»*, *«поддержку ... оказывают самолеты сирийских ВВС»*, *«тяжелым вооружением военные вскрывают оборону радикальных группировок»* и др. – эти словосочетания и фразы формируют экспрессивный образ военной операции. Дальше больше усиливается эмоциональный фон репортажа за счёт перечисления военных задач: *«отбросить боевиков от провинции Хама»*, *«развить успех»* [подразумевается *военный успех*], *«освободить соседний регион»*, *«вернуть контроль над границей с Турцией»*, *«боевые действия активизировались и на других участках фронта»* [семантика «расширение пространства»], *«езде инициатива на стороне сирийской армии»* [семантика «продвижение»] и др.

Наименования боевых действий по данным «Словаря военных терминов» – это 1) составная часть военных действий противоборствующих сторон, организованное применение сил и средств объединений, соединений, частей, подразделений для выполнения поставленных боевых задач; 2) Форма оперативного (боевого) применения объединений, соединений,

частей, подразделений в рамках операции в составе объединений более крупного масштаба или между операциями для последовательного решения оперативных, оперативно-тактических, тактических задач (то есть боевые действия могут рассматриваться и как процесс, являющийся составной частью военных действий, и как форма применения объединений, соединений, частей и подразделений) [Словарь военных терм, с. 147].

Несмотря на то, что это лишь фрагмент текста, раскрывающего понятие, он выделяется благодаря обилию военной терминологии, частично используемой и в общем литературном языке, известной читателю, находящемуся вне военной среды: *военные действия, противоборствующие стороны, силы и средства*. Иная часть терминов не принадлежит к сфере общедоступной лексики, потому нуждается в расшифровке: *объединение, соединение, часть, подразделение, операция, оперативная задача, оперативно-тактическая задача, тактическая задача*. Так, понятие «бой» включает в себя тактические формы действий войск такие, как «удар», «маневр» и «огонь». Это вытекает из полного определения: бой – это основная форма тактических действий войск (сил), которые были организованы и согласованы по цели, месту и времени, т.е. удары, маневры и огонь, выполнимые какими-либо частями или подразделениями. Данное действие проводится чаще всего в целях уничтожения (т.е. разгрома) противника, или же выполняются другие боевые задачи, направленные на их реализацию в течение короткого времени и в условиях определенной местности. Боевые действия делятся на общевойсковые, противовоздушные, воздушные и морские. Необходимо принять войскам (силам) боевой порядок для ведения боя [Словарь военных терминов, с. 530]. Лексема *действия* в терминологическом словосочетании *боевые действия* перемещается из общего лексикона в тематическую *сферу войны* за счет определения *боевые*. Принадлежность слова *бой* военной сфере (ср. *бой часов, бой стекла* (битое стекло)) определяется военной тематикой военных текстов, в т.ч. военных репортажей и соответствующими атрибутами и конструкциями: *наземный*

бой, воздушный бой, морской бой, огневой бой, бой в городе, бой по отражению высадки морского десанта и др. В приведённом фрагменте одного из многочисленных репортажей Евгения Поддубного военные термины читателю понятны благодаря эмоциональной составляющей данного репортажа.

Разнопланова группа **наименований мест боевых действий**. Так, к военной лексике, называющей места несения службы, где происходят боевые действия, относятся следующие лексические единицы: *блокпост, передовая, котёл* и др. Сюда же относятся и военные топонимы, которые буквально появляются в ходе военных операций и входят в число частотных лексических единиц в репортажах Евгения Поддубного. Рассмотрим специфику их функционирования подробнее.

Примечательно, что лексема *котёл* в контексте военного дискурса относится к жаргонной лексике: Ср.:

1. В толковых словарях русского языка [Толковый словарь Ушакова]:
  1. Металлический сосуд округлой формы, служащий для нагревания воды. *Котел кипит. Взять воды из котла.*
  2. перен. Питание из общей кухни. *Артельный котел. Сдавать продукты в общий котел.*
  3. Закрытый сосуд для превращения воды в пар (*тех.*). *Паровой котел. Водотрубный котел. Котел высокого давления.*
  4. В карточной азартной игре – сосуд, куда кладутся деньги (ставки в банк); также – самые эти деньги (карт.). В идиоматике: *с пивной котел (прост.)* – очень больших размеров (чаще о голове); *кипеть/вариться (как) в котле (разг.)* – быть в постоянных утомительных хлопотах.
2. В военном дискурсе лексема ***котёл*** относится к военному жаргону и употребляется, когда речь идёт о военных действиях, связанных с окружением противника. Иными словами, котёл – это территория с имеющимися на ней войсковыми соединениями, линия фронта вокруг которой замкнута противником, что означает полное

окружение этих войск, попадание их в кольцо неприятельских войск. Следовательно, словосочетания *попасть в котёл* и *попасть в (полное) окружение* являются синонимами. Это объясняется и немецким происхождением лексемы. Так, немецкое выражение «*in den Kessel geraten*» означает «*попасть в окружение*», а буквально – «*попасть в котёл*». Это знаменитая немецкая тактика «молниеносной войны», которая базировалась на многочисленных *охватах в клещи* (ещё одно понятие в военной сфере, военная метафора), в результате которых в котлах различных размеров оказывались войсковые формирования вплоть до объединений. Это породило новое слово «*окруженец*», то есть человек, попавший или побывавший в окружении. Окружение же, *Einkesselung*, *Kessel* по-немецки привело к появлению русской кальки «Котёл». Важно также заметить, что в таком же значении используются и лексемы *мешок* и *кольцо*.

В репортажах Евгения Поддубного лексемы такого плана употребляются в основном в составе словосочетаний с относительными прилагательными, образованными от топонимов. Следовательно, такие словосочетания относятся к военной топонимии. Ср.:

- *изваринский котёл* (взятие в окружение группировки войск украинской армии на юго-востоке Донецкой области в пространстве от села Мариновка на востоке Донецкой области (граница с Россией) до контрольно-пропускного пункта «Изварино» на востоке Луганской области);
- *иловайский котёл* (название котёл получил в результате наступления вооружённых формирований ДНР в Иловайске, где оказались в окружении батальоны «Донбасс», «Днепр-1», батальоны МВД «Херсон», «Святязь» и «Миротворец», а также сводная рота 93-й и 17-й бригад ВСУ.);
- *дебальцевский котёл* (название от г. Дебальцево);

- *амвросиевский котел* (название от г. *Амвросиевка* – города районного значения в Донецкой области) и др.

Нельзя не заметить, что топонимы, формирующие карту военных действий, употребляются в составе синтаксических конструкций на уровне словосочетаний (с прилагательными, причастиями, глаголами, отглагольными существительными, содержащими сему «военные действия») и простых предложений. Нередко такие синтаксические конструкции выполняют функцию заголовка репортажа, например: «*Обстрелянная Марьинка*» (о ситуации на Украине), «*Город после боевиков ИГИЛ*» (о древнем сирийском городе Маалуле, который больше полугода был в руках боевиков ИГИЛ), «*Опустевшие улицы Дамаска*», «*Освобождение Пальмиры отложено из-за песчаной бури*» «*Наступление на Джобар*» и др.

Известно, что топонимика рассматривается исследователями как объект нематериального наследия, формирующего историко-культурное пространство определённого города/региона/страны. Военная топонимика является важной составляющей в данном контексте. Если проанализировать, например, топонимы Санкт-Петербурга, то несложно заметить, что в формировании историко-культурного и культурно-географического образа города участвует огромное количество топонимов, связанных с темой Великой Отечественной войны. Традиционно такие топонимы имеют размещение в одном месте, т.е. сконцентрированы в пределах определённого городского пространства (или пространств). Такое размещение в одном месте топонимов, связанных одной темой, у специалистов называется «топонимическим кустом». Так, защите Ленинграда посвящён топонимический куст в Кировском и Красносельском районах.

Для военной лексики репортажей Евгения Поддубного характерна тропеическая образность, которая, как известно, основана на использовании в переносном смысле определённых слов и выражений, в данном случае – слов и выражений, репрезентирующих военную картину мира. Так, например, отображение боевых действий с опорой на указание военных

режимов войск на местности в их статике, а также динамике раскрывает образную семантику военных терминов, которые основываются на предметной конкретности мира. Ср.: наименования, связанные с особенностями оперативного искусства: *клещи, котел, очаговая оборона, клин, кулак, горловина, коридор*. Ср. также: виды артиллерийского огня: *огневой вал, огневая завеса, огневой кулак, огневой мешок, вилка*; фортификационные сооружения пехоты: *рогатки, ежи, лисья нора* (вид окопа), *спотыкач* (сеть на низких кольях) и др.

В военных репортажах Евгения Поддубного освещаются параллельно **военный** и **гуманитарный** аспекты, что является характерной особенностью именно его репортажей, потому что традиционно военный репортаж описывает только военную сторону. Е. Поддубный проводит параллели в контексте оппозиции «война – мир» за счёт репрезентации соотношений «война и детство», «война и материнство», «война и старость», «воюющие стороны и мирные жители». Поэтому среди лексики, относящейся к военной сфере, частотны единицы типа:

1) с одной стороны: *жертвы войны, заложники, дети войны, жертвы обстрела, жертвы военных преступлений, жертвы миномётного удара, мирные жители, народная милиция, гуманитарный коридор*;

2) о стороне врага: *джихадисты, исламисты, игиловцы, боевики ИГИЛ, радикалы, иностранные наёмники* (в репортажах из Сирии), *неонацисты, нацики, боевики, иностранные наёмники, сатанисты, натовцы* (в репортажах из ЛНР и ДНР).

Перечисленные наименования можно отнести к группе лексики, обозначающей **наименования людей и группировок**.

Важной особенностью анализируемых военных репортажей из горячих точек является использование глаголов, обозначающих процесс военных действий, в форме настоящего времени в сочетании с наречиями, указывающими на оперативность и скорость данных действий. Тем самым акцентируется внимание на происходящем в данный момент. Ср.: «*Сводная*

*группировка **начинает** подготовку к наступлению. **Бьет** артиллерия. **Снайпер стреляет** по блиндажу. Боевик **понимает**, что снайпер его **видит**, и **быстро уходит** в подземное укрытие» (Россия-1, Вести, 27.09.2015); «**Сейчас передовые отряды Сирийской армии продвигаются по стратегическим высотам, по хребтам непосредственно к Пальмире**» (о бое за Пальмиру) (Россия-1, Вести, 24.03.2016).*

Таким образом, специфика военных репортажей Евгения Поддубного заключается в особенностях репрезентации событий, персоналий, реалий, имеющих отношение к военной действительности: они передаются в условиях военных действий в режиме реального времени (из горячих точек). А поскольку в военных репортажах Евгения Поддубного освещаются военный и гуманитарный аспекты, в рамках которых проводятся параллели в контексте известной концептуальной оппозиции «война – мир», репрезентирующей через акцентирование внимания на соотношении войны и детства, войны и материнства, войны и старости и др., то на лексическом уровне доминирует не столько военная терминология, хотя она является неотъемлемым компонентом военных репортажей, сколько военная лексика, имеющая широкое употребление и входящая в состав общеупотребительных слов русского языка (ср.: *убить, освободить, нанести удар, война, мир, военные действия, мирные граждане* и др.).

Военная лексика в репортажах Евгения Поддубного характеризуется экспрессивностью, отражением как собственно военных аспектов, так и гуманитарных, причем оба аспекта всегда объективируются в соотнесённости.

Выводы по главе II

Во второй главе – «Особенности функционирования военной лексики в репортажах военного корреспондента Евгения Поддубного» – приводятся результаты функционально-семантического анализа военной лексики в репортажах Евгения Поддубного из горячих точек.

С целью выявления и анализа особенностей функционирования военной лексики в СМИ нами было отобрано 150 военных репортажей Евгения Поддубного (из горячих точек на Украине и в Сирии), из которых был сформирован корпус репортажных текстов. В результате функционально-семантического анализа лексики на материале отобранных текстов мы обнаружили ряд закономерностей, которые позволили сделать следующие **выводы**:

1. Специфика военных репортажей заключается в особенностях репрезентации событий, персоналий, реалий, имеющих отношение к военной действительности: они передаются в условиях военных действий в режиме реального времени (из горячих точек), поэтому на лексическом уровне доминирует не военная терминология, хотя она является неотъемлемым компонентом военных репортажей, а военная лексика, имеющая широкое употребление и входящая в состав общеупотребительных слов русского языка (ср.: убить, освободить, нанести удар, война, мир, военные действия, мирные граждане и др.).
2. В военных репортажах Евгения Поддубного освещаются военный и гуманитарный аспекты, в рамках которых проводятся параллели в контексте известной концептуальной оппозиции «война – мир», репрезентирующейся через акцентирование внимания на соотношении войны и детства, войны и материнства, войны и старости.
3. Военная лексика, используемая в репортажах Евгения Поддубного, может быть разделена на тематические кластеры: виды

боя (атака, штурм, контратака, контрнаступление и др.) и соответствующие глаголы и словосочетания (атаковать, штурмовать, идти в контрнаступление и др.); места несения службы (блокпост, передовая и др.); топонимы (географические объекты ЛНР и ДНР, географические объекты Сирии, формирующие топонимическую карту военных действий); лексемы и словосочетания, с помощью которых описываются военные действия, связанные с ведением огня из различных видов вооружения: обстрел (обстреливать), бомбить, наносить бомбовые удары, работает зенитно-ракетный комплекс/переносной зенитно-ракетный комплекс (+ наименования ЗРК/ПЗРК) и др.; лексика, обозначающая наименования людей и группировок: жертвы/жертвы обстрела/миномётного удара, мирные жители, военные, народная милиция (в репортажах из ЛНР и ДНР), исламисты, игиловцы, боевики ИГИЛ, радикалы (в репортажах из Сирии), неонацисты, нацики (в репортажах из ЛНР и ДНР) и др.

4. Важной особенностью военных репортажей из «горячих точек» является использование глаголов, обозначающих процесс военных действий, в форме настоящего времени в сочетании с наречиями, указывающими на оперативность и скорость данных действий. Тем самым акцентируется внимание на происходящем в данный момент. Ср.: «Сводная группировка начинает подготовку к наступлению. Бьет артиллерия. Снайпер стреляет по блиндажу. Боевик понимает, что снайпер его видит, и быстро уходит в подземное укрытие» (репортаж от 27.09.2015, Вести на канале «Россия 1»), «Сейчас передовые отряды Сирийской армии продвигаются по стратегическим высотам, по хребтам непосредственно к Пальмире» (о бое за Пальмиру, репортаж от 24.03.2016 Вести на канале «Россия 1»).
5. Топонимы, формирующие карту военных действий, употребляются

в составе синтаксических конструкций на уровне словосочетаний (с прилагательными, причастиями, глаголами, отглагольными существительными, содержащими сему «военные действия») и простых предложений. Нередко такие синтаксические конструкции выполняют функцию заголовка репортажа, например: «Обстрелянная Марьинка» (о ситуации на Украине), «Город после боевиков ИГИЛ» (о древнем сирийском городе Маалюле, который больше полугода был в руках боевиков ИГИЛ), «Опустевшие улицы Дамаска», «Освобождение Пальмиры отложено из-за песчаной бури» «Наступление на Джобар» и др.

- б. В военных репортажах Евгения Поддубного освещаются параллельно военный и гуманитарный аспекты, что является характерной особенностью именно его репортажей, потому что традиционно военный репортаж описывает только военную сторону. Е. Поддубный проводит параллели в контексте оппозиции «война – мир» за счёт репрезентации соотношений «война и детство», «война и материнство», «война и старость», «воюющие стороны и мирные жители». Поэтому среди лексики, относящейся к военной сфере, частотны единицы типа: 1) с одной стороны: *жертвы войны, заложники, дети войны, жертвы обстрела, жертвы военных преступлений, жертвы миномётного удара, мирные жители, народная милиция, гуманитарный коридор*; 2) со стороны врага: *джихадисты, исламисты, игиловцы, боевики ИГИЛ, радикалы, иностранные наёмники* (в репортажах из Сирии), *неонацисты, нацики, боевики, иностранные наёмники, сатанисты, натовцы* (в репортажах из ЛНР и ДНР).

Заключение

В первой главе – «*Теоретические аспекты изучения военной лексики как особого элемента лексической системы языка*» – были рассмотрены факторы актуализации лингвистических исследований военной лексики, обобщены и уточнены определение и объём понятия «военная лексика», проанализированы предпосылки исследования данной лексики в пространстве СМИ. В результате мы пришли к следующим **выводам**:

1. Речевое общение в военной среде реализуется в письменных и устных текстах военной тематики. Актуализация лингвистических исследований военной лексики обусловлена выходом её употребления за пределы узкопрофессионального употребления, распространением слов военной тематики в повседневной речи простых людей.
2. Широкое употребление слов военного характера обусловлено частыми военными конфликтами в разных странах, разработкой новых военных технологий, техники и боевого оружия.
3. Военная лексика – это система лексических средств, отражающих разнообразные военные понятия и употребляющихся в общенародном и специальном общении. В понятие «военная лексика» входят также и такие понятия, как «военная терминология», «военная терминосистема».
4. Вовлечение широких масс людей в военные действия, а также широкое освещение всех этих событий с помощью средств массовой информации сделало тему войны с ее терминами и понятиями близкой и понятной невоенному человеку, ввиду чего военные термины выступают политическими маркерами современности.
5. Среди жанров СМИ особое место отводится репортажу. Специфика репортажей в СМИ заключается в особенностях репрезентации значимых исторических событий, персоналий, реалий, имеющих отношение к военной действительности: они не просто передаются в

специализированном военном пространстве, а ещё и концептуализированы в русской языковой картине мира. Поэтому лингвистические особенности военно-публицистических текстов не ограничиваются арсеналом военной терминологии. Значительное место в них занимают и феномены военной концептосферы.

Во второй главе – «*Особенности функционирования военной лексики в репортажах военного корреспондента Евгения Поддубного*» – был детально рассмотрен жанр военного репортажа как один из наиболее эффективных источников позиционирования военной лексики в коммуникативном пространстве СМИ, приводятся результаты функционально-семантического анализа военной лексики в репортажах Евгения Поддубного из горячих точек.

С целью выявления и анализа особенностей функционирования военной лексики в СМИ нами было отобрано 150 военных репортажей Евгения Поддубного (из горячих точек на Украине и в Сирии), из которых был сформирован корпус репортажных текстов. В результате функционально-семантического анализа лексики на материале отобранных текстов мы обнаружили ряд закономерностей, которые позволили сделать следующие **выводы**:

1. Специфика военных репортажей заключается в особенностях репрезентации событий, персоналий, реалий, имеющих отношение к военной действительности: они передаются в условиях военных действий в режиме реального времени (из горячих точек), поэтому на лексическом уровне доминирует не военная терминология, хотя она является неотъемлемым компонентом военных репортажей, а военная лексика, имеющая широкое употребление и входящая в состав общеупотребительных слов русского языка (ср.: *убить, освободить, нанести удар, война, мир, военные действия, мирные граждане* и др.).
2. В военных репортажах Евгения Поддубного освещаются военный и

гуманитарный аспекты, в рамках которых проводятся параллели в контексте известной концептуальной оппозиции «война – мир», репрезентирующей через акцентирование внимания на соотношении войны и детства, войны и материнства, войны и старости.

3. Военная лексика, используемая в репортажах Евгения Поддубного, может быть разделена на тематические кластеры: виды боя (*атака, штурм, контратака, контрнаступление* и др.) и соответствующие глаголы и словосочетания (*атаковать, штурмовать, идти в контрнаступление* и др.); места несения службы (*блокпост, передовая* и др.); топонимы (географические объекты ЛНР и ДНР, географические объекты Сирии, формирующие топонимическую карту военных действий); лексемы и словосочетания, с помощью которых описываются военные действия, связанные с ведением огня из различных видов вооружения: *обстрел (обстреливать), бомбить, наносить бомбовые удары, работает зенитно-ракетный комплекс/переносной зенитно-ракетный комплекс* (+ наименования *ЗРК/ПЗРК*) и др.; лексика, обозначающая наименования людей и группировок: *жертвы/жертвы обстрела/миномётного удара, мирные жители, военные, народная милиция* (в репортажах из ЛНР и ДНР), *исламисты, игиловцы, боевики ИГИЛ, радикалы* (в репортажах из Сирии), *неонацисты, нацики* (в репортажах из ЛНР и ДНР) и др.
4. Важной особенностью военных репортажей из «горячих точек» является использование глаголов, обозначающих процесс военных действий, в форме настоящего времени в сочетании с наречиями, указывающими на оперативность и скорость данных действий. Тем самым акцентируется внимание на происходящем в данный момент. Ср.: *«Сводная группировка начинает подготовку к наступлению.*

Бьет артиллерия. Снайпер стреляет по блиндажу. Боевик понимает, что снайпер его видит, и быстро уходит в подземное укрытие» (репортаж от 27.09.2015, Вести на канале «Россия 1»), *«Сейчас передовые отряды Сирийской армии продвигаются по стратегическим высотам, по хребтам непосредственно к Пальмире»* (о бое за Пальмиру, репортаж от 24.03.2016 Вести на канале «Россия 1»).

5. Топонимы, формирующие карту военных действий, употребляются в составе синтаксических конструкций на уровне словосочетаний (с прилагательными, причастиями, глаголами, отглагольными существительными, содержащими сему «военные действия») и простых предложений. Нередко такие синтаксические конструкции выполняют функцию заголовка репортажа, например: *«Обстрелянная Марьинка»* (о ситуации на Украине), *«Город после боевиков ИГИЛ»* (о древнем сирийском городе Маалюле, который больше полугода был в руках боевиков ИГИЛ), *«Опустевшие улицы Дамаска»*, *«Освобождение Пальмиры отложено из-за песчаной бури»* *«Наступление на Джобар»* и др.

Список литературы

1. Азарова, О.А., Кудряшов, И.А. Когнитивный подход к исследованию неявного знания / О.А. Азарова, И.А. Кудряшов // Когнитивные исследования языка. – 2015. – № 21. – С. 30–33.
2. Алексеева, Л.М., Василенко, Д.В. Системность терминологии / Л.М. Алексеева, Д.В. Василенко // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2015. – № 4 (32). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistemnost-terminologii> (дата обращения: 30.01.2022).
3. Амиров, В.М. Сниженная лексика и эффект достоверности в современном военном репортаже / В.М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2015. – № 2 (138).
4. Амиров, В.М. Этика журналиста в дискурсе современного вооруженного конфликта / В.М. Амиров // Известия Уральского федерального университета. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2013. – № 2 (113).
5. Артёмова О. Евгений Поддубный: Я российских военных на Украине не видел // ВГТРК Белгород, 3 декабря 2014. – URL: <https://bel.ru/news/society/03-12-2014/evgeniy-poddubnyy-ya-rossiyskih-voennyh-na-ukraine-ne-videl> (дата обращения: 17.03.2022).
6. Бабаян, Р.Г. Территория войны. Кругосветный репортаж из горячих точек / Р.Г. Бабаян. – М.: Издательство «Э». – 2016.
7. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотипное. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
8. Бидеркесен, Д. Военная лексика как особый элемент лексической системы языка / Д. Бидеркесен // Казанский лингвистический журнал. – 2020. – Т. 3, № 1. – С. 5-16.
9. Бидеркесен, Д., Агеева, Ю.В. Функционирование военной лексики в языке СМИ / Д. Бидеркесен, Ю.В. Агеева // Балтийский гуманитарный

- журнал. – 2019. – Т. 8. № 1(26). – С. 35-38. – URL: https://kpfu.ru/staff_files/F_1904199263/Durdu_Biderkesen_Baltijskij_GZh_2019_1_26.pdf (дата обращения: 30.01.2022).
10. Бойко, Б.Л. Военная лексика в речевом общении / Б.Л. Бойко // Вопросы психолингвистики. – С. 44-53.
  11. Борисов, С. «Катюша» против «Ванюши» / С. Борисов // «Меридиан». Обзорник общественно-политических изданий. [Электронный ресурс]. – URL: <http://nurmedia.ru/society/4678-katyusha-protiv-vanyushi.html> (дата обращения 03.02.2022).
  12. Волков, В.В. Лингвокультурный концепт «Война»: семантическое ядро, аспекты герменевтического исследования / В.В. Волков // Вестник ТвГвГУ. Серия «Филология». – 2017. – №1. – С. 103-113.
  13. Ворогушин, Е.Б., Савушкин, Н.И. Боевые действия / Е.Б. Ворогушин, Н.И. Савушкин // Военная энциклопедия. Т. 1. – М.: Воениздат, 1997. – С. 147. – URL: <http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/> (дата обращения: 18.01.2022).
  14. Гаврилова, Г.Ф. Предложение и текст: системность и функциональность / Г.Ф. Гаврилова. – Ростов н/Д.: АкадемЛит, 2015. – 412 с.
  15. Гербановский, С.Е. Фортификация пехоты / С.Е. Гербановский. – Красноярск: Воениздат. Красноярское отделение, 1942. – 132 с. URL: <http://www.vrazvedka.ru/main/learning/vopros-ob/gerbanovskiy.html#10> (дата обращения: 03.02.2022).
  16. Глушко, М.М. Функциональный стиль общественного языка и методы его исследования / М.М. Глушко. – М., 1974. – 160 с.
  17. Гринев, С.В. Введение в терминоведение / С.В. Гринев. – М.: Московский лицей, 1993. – 309 с.
  18. Денисов, П.Н. Русская военная лексика в период Великой Отечественной войны / П.Н. Денисов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1985. – Т. 44, № 4. – С. 358-365.

19. Дзялошинский, И. М. Журналисты в «горячих точках»: технология профессионального поведения / И.М. Дзялошинский. – 2014. – URL: <http://dzyalosh.ru/03-toler/books/shesh-small/p-bib-shesh-small.html> (дата обращения: 18.01.2022).
20. Добросклонская, Т.Г. Медиалингвистика: современный подход к изучению языка СМИ (Современная английская медиаречь) / Т.Г. Добросклонская. – М.: Флинта; Наука, 2008. – 264с.
21. Дробязко, С.Г. Путь солдата. С боями от Кубани до Днепра. 1942-1944 / С.Г. Дробязко. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. – 255 с.
22. Ибрагимли, П.Н. Специфика военного репортажа / П.Н. Ибрагимли. – URL: <https://mic.org.ru/phocadownload/1-mc-ibragimli.pdf> (дата обращения: 04.02.2022).
23. Исаева, Е.Д. Особенности японской военной терминологии / Е.Д. Исаева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2009. – №4. – С. 29–34.
24. Ким, М.Н. Основы творческой деятельности журналиста: учебник для вузов / М.Н. Ким. – СПб.: Питер, 2011. – 400 с.
25. Клеменова, Е.Н., Кудряшов, И.А. Текст репортажа в аспекте критического дискурс-анализа / Е.Н. Клеменова, И.А. Кудряшев // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. – 2015. Т. 14. – № 6. – С. 140–145.
26. Клеменова Е.Н., Кудряшов И.А. Персуазивная функция масс-медийных текстов: эвиденциальность и эпистемическая модальность / Е.Н. Клеменова, И.А. Кудряшев // Вестн. Новосибирского гос. ун-та. Серия: История, филология. – 2016. – Т. 15. – № 6. – С. 93–99.
27. Коровушкина, В.П. Основы контрастивной социолектологии: Монография: В 2 ч. / В.П. Коровушкина. – Череповец: ГОУ ВПО ЧГУ, 2005. – Ч. 2. – 284 с.
28. Кройчик, Л.Е. Система журналистских жанров // Основы творческой деятельности журналиста / под ред. С.Г. Корконосенко. – СПб., 2000. –

- С. 125–168.
29. Крысин, Л.П. Современный русский язык. Лексическая семантика. Лексикология. Фразеология. Лексикография. Учебное пособие / Л.П. Крысин. – М.: Academia, 2013. – 240 с.
30. Крутицин, И. Командир стрелкового взвода [Воспоминания] / И. Крутицин // The Russian Battlefield. Мемуары. – URL: <http://www.battlefield.ru/ivan-krutitsyn/stranitsa-2.html> (дата обращения: 03.02.2022).
31. Кучинская, Е.А. Концептуальная оппозиция «свой – чужой» в военных публицистических текстах / Е.А. Кучинская // Квантитативная лингвистика. – 2018. – Т. 5. – С. 86-97.
32. Михайлов, В.С. Бой / В.С. Михайлов // Военная энциклопедия. Т. 1. – М.: Воениздат, 2003. – С. 530. – URL: http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=3567@morfDictionary (дата обращения: 03.02.2022).
33. Лейчик, В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура / В.М. Лейчик. – М., 2007. – 256 с.
34. Лотте, Д.С. Очередные задачи научно-технической терминологии / Д.С. Лотте // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. VII серия. – 1931. – № 4. – С. 883–891.
35. Лукьянчук, Ю.О. Способы классификации военных терминов / Ю.О. Лукьянчук // Научные записки национального университета «Острожская академия». – Киев, 2017. – № 66. – С. 65–67.
36. Майданова, Л.М., Калганова, С.О. Практическая стилистика жанров СМИ: уч. пособие / Л.М. Майданова, С.О. Калганова. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2006. – 336 с.
37. Михасенко, Е.А. Батальный репортаж: между вымыслом и реальностью / Е.А. Михасенко // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2014. – С. 146-152. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/batalnyy-reportazh-mezhdu>

- vumyslom-i-realnostyu-1 (дата обращения: 18.01.2022).
38. Михеенков, С.Е. В донесениях не сообщалось... Жизнь и смерть солдата Великой Отечественной. 1941-1945 / С.Е. Михеенков. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. – 351 с.
  39. Несын, Е.Н. Проблемы изучения истории и теории жанра репортажа / Е.Н. Несын // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2010. – № 66. – С. 233-240.
  40. Новохацкий, И.М. Воспоминания командира батареи. Дивизионная артиллерия в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 / И.М. Новохацкий. – М.: ЗАО Центрполиграф, 2007. – 313 с.
  41. Пантелеев, Б.Н. Справочник для журналистов, работающих в районах военных действий / Б.Н. Пантелеев. – М.: Права человека. – 2002.
  42. Прохоров, Е.П. Введение в теорию журналистики / Е.П. Прохоров. – М.: Аспект Пресс, 2011. – 350 с.
  43. Сафаров, Р.Т. Военная лексика татарского языка / Р.Т. Сафаров. – Казань, 2015. – 196 с.
  44. Сафонова, О.Ю. Стилистические особенности текстов военной тематики / О.Ю. Сафонова // E-Scio. – 2018. – № 4 (19). – С. 140-142. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35392589> (дата обращения: 17.01.2022).
  45. Сдобнова, Ю.Н. Некоторые дискурсивные особенности современной военной терминосистемы вооруженных сил Франции / Ю.Н. Сдобнова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – №10 (696). – С. 195–209.
  46. Сергиевская, И.Л. Лингвистические особенности военного текста и их использование для обучения пониманию в контексте электронного учебника / И.Л. Сергиевская, Д.А. Мишин, Р.Р. Пайгин // Молодой ученый. – 2016. – № 22 (126). – С. 254-256. –URL: <https://moluch.ru/archive/126/34936/> (дата обращения: 09.02.2022).
  47. Тертычный, А.А. Жанры периодической печати / А.А. Тертычный. –

- М.: Аспект Пресс, 2000. – 320 с.
48. Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: материалы Третьих международных научных чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и научной конференции «Мир и война: море и суша» / Российская академия наук, Институт всеобщей истории, Общество интеллектуальной истории (Санкт-Петербургское отделение), Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств, Институт итальянской культуры в Санкт-Петербурге, Исторический архитектурно-художественный музей г. Кронштадта. – Сер. Мир и война: культурные контексты социальной агрессии-3. – М.: Институт всеобщей истории РАН, 2007. – 299 с. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23117714&selid=23191781> (дата обращения: 31.01.2022).
49. Чернышёва, А.Ю. Военный репортаж как специфический дискурс СМИ / А.Ю. Чернышёва // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2018. – № 2. – С. 67-75. – <https://elibrary.ru/item.asp?id=35154517> (дата обращения: 01.02.2022).
50. Шашок Л. А. Характерные особенности военного дискурса // Политическая лингвистика. 2018. № 6 (72). С. 116-119. <http://elar.uspu.ru/bitstream/uspu/10654/1/plin-2018-06-16.pdf> (дата обращения: 30.01.2021).
51. Шевчук, В.Н. Военно-терминологическая система в статике и динамике: дис. д-ра филол. наук / В.Н. Шевчук. Военный институт, 1985. – 488 с.
52. Шостак, М.И. Репортер: профессионализм и этика / М.И. Шостак. – М.: Изд-во РИПХолдинг, 2001. – 235 с.
53. Яковлева, Е.А., Ирназаров, Э.Н. Особенности именованья образцов оружия и военной техники в актуальном информационном дискурсе / Е.А. Яковлева, Э.Н. Ирназаров // Российский гуманитарный журнал. –

2018. – Т. 7. № 2. – С. 132-140.

54. Якубов, О.А. Военная терминология в социокультурном аспекте / О.А. Якубов // Достижения науки и образования. – 2018. – № 4 (26). – С. 22-24.

Словари

55. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. – Москва: Советская энциклопедия; Санкт-Петербург: Фонд «Ленинградская галерея», 2002. – 1628 с.
56. Военная энциклопедия: в 8 т. / М-во обороны Российской Федерации, Ин-т военной истории; гл. ред. комис.: С.Б. Иванов – пред. [и др.]. – Т. 8. – Москва: Воениздат, 2004. – 579 с.
57. Военный энциклопедический словарь // <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/list.htm>.
58. Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – ??? с.
59. Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. В 2 т. – М.; Л.: Изд-во Л. Д. Френкель.
60. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов; под ред. Л. И. Скворцова. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: Оникс, 2009. – 1359 с.
61. Словарь военных терминов / Сост. А.М. Плехов. – М.: Воениздат, 1988. – 337 с.
62. Словарь армейского жаргона [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://afgan43.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=34&Itemid(дата обращения: 17.01.2022).
63. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: Альта-Принт, 2005. – 1216 с.
64. Энциклопедический социологический словарь / Общая ред. академика

РАН Г.В. Осипова. – М.: Институт социальнополитических исследований РАН, 1995. – 939 с.

Приложение

1. Сирийская армия перешла от обороны к наступлению // Россия-24. Вести, 11 мар 2019. – URL: <https://smotrim.ru/video/2071432>
2. Сирийская армия на подступах к Дейр-эз-Зору // Россия-24, Вести, 04.09.2017. – URL: <https://my.mail.ru/mail/anatolij.fuks/video/24347/74332.html>
3. Украину продолжают заваливать западным оружием // Россия-1, программа «60 минут», 07.04.2022. – URL: <https://zen.yandex.ru/video/watch/624e75dab643751d25cb92d1>
4. Бой глазами Евгения Поддубного. Сирийская армия продолжает наступление // – URL: https://www.youtube.com/watch?v=Sj_1a85JQc0
5. Группировка ВСУ в ЛНР обречена на окружение // Россия-1. Программа «60 минут», 23.05.2022. – URL: <https://zen.yandex.ru/video/watch/628bb1a8f5a7bd7b13dc8fe1>
6. Сирийская армия ведет наземную операцию // Россия-24, Вести, 09.10.2015. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YVKj2C7Dz9k>
7. Сирийская армия теснит исламистов // Россия 1, Вести, 23.09.2015. – URL: https://my.mail.ru/v/russia24tv/video/_groupvideo/19812.html
8. Репортаж Евгения Поддубного из зоны проведения военной операции на Украине. Донбасс // Россия-1, Вести, 28.02.2022. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4Vod3lcZ1As>
9. Репортаж Евгения Поддубного // Россия-1, Вести, 08.03.2022. – URL: https://vk.com/video-63352300_456245874
10. Военный корреспондент ВГТРК Евгений Поддубный рассказал об обстановке в Гостомеле // Россия-1, Вести, 25.03.2022. – URL:

<https://zen.yandex.ru/video/watch/623dea8b058d864c88b8b4ca>

11. Наступательная операция сирийской армии // Россия-1, Вести, 10.10.2015 // <https://rusvesna.su/news/1444415484>
12. Крупная победа сирийской армии // Россия-1, Вести, 20.01.2016. – URL: <https://smotrim.ru/article/1631556>
13. И вот ещё о турецком коварстве // <https://t.me/s/epoddubny/2528>; https://tsargrad.tv/news/eshhjo-o-tureckom-kovarstve-poddubnyj-pokazal-unichtozhenyj-v-spinu-sirijskij-tank_240620